

БАРАННИКОВА Анастасия Олеговна — научный сотрудник Научно-образовательного центра морских международных исследований Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского (690059, Россия, г. Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50а; electroniccsm@yandex.ru)

ОТ «АМУРСКОГО ВОПРОСА» ДО «РУССКОГО ДЕЛА»: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация. По мере реализации Россией стратегии «поворота на Восток» все большее значение приобретает ее Дальневосточный регион, способный стать «воротами в АТР». Но для раскрытия потенциала региона и обеспечения национальных интересов страны в АТР необходимо решить его проблемы, что невозможно без четкого представления о национальных интересах страны. В XIX в. Россия уже предпринимала попытки интеграции с Азией, задействовав потенциал своего дальневосточного региона, и имеет опыт продвижения в нем своих интересов. В связи с этим представляет интерес, как трансформировалось понятие национальных интересов применительно к региону и как рассматривали проблемы национальных интересов приамурские генерал-губернаторы.

Ключевые слова: амурский вопрос, «русское дело» на Дальнем Востоке, приамурские генерал-губернаторы, Приамурский край, интеграция, заселение

Дальний Восток — особый регион мира, и присутствие в нем России традиционно играло важную роль в экономическом, политическом и военном отношении. Благодаря уникальному географическому положению и природно-ресурсному потенциалу, российский Дальний Восток мог бы способствовать развитию отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, который является одним из быстро растущих экономических и стратегических районов мира и отличается бурным характером интеграционных процессов.

Непрерывным условием продвижения национальных интересов России в АТР становится изучение исторического опыта их обеспечения на Дальнем Востоке. В условиях социально-экономических трансформаций на рубеже XX—XXI вв. научный интерес представляет, то, как рассматривали проблему национальных интересов применительно к региону местные администраторы — приамурские генерал-губернаторы. В середине XIX в. интересы Российской империи на Дальнем Востоке заключались в экспансии, вызванной стремлением расширения территории путем присоединения Приамурья. Данный процесс, включавшей сложный комплекс мер, связанных с дальневосточной внутренней и внешней политикой в 40–50-х гг. XIX в., в официальных документах эпохи именовался «амурским делом», и его главной задачей было решение «амурского вопроса». В географическом смысле понятие «Амур» охватывало территории, расположенные по течению р. Амур и его главнейших притоков; сюда же включались и приморские части дальневосточной окраины.

Для сторонника активной дальневосточной политики Н.Н. Муравьева «амурский вопрос» означал «завладеть устьями Амура и тем открыть России свободный путь к Тихому океану» [Барсуков 1891: 172]. Решение амурского вопроса, по его мнению, на первых порах состояло как минимум в «обеспечении... юго-восточного побережья, для чего необходима была постановка на устьях Амура русского знамени с небольшой военной защитой», а потом — в «занятии левого берега реки на всем ее протяжении вооруженным казачьим населением» [Барсуков 1891: 288].

После подписания договоров с Китаем в 1858 и 1860 гг. Приамурье вошло в состав России, и «амурский вопрос» был решен. Можно было говорить о

том, что экспансия Российской империи на Дальний Восток была завершена. Однако, по мнению М. Венюкова, Россия могла продолжить экспансию в Азию и не стала делать этого исключительно из-за стремления «к упрочению мирных сношений, а не к завоеваниям» [Венюков 1873: 33-36]. Другой точки зрения придерживался Ф. Энгельс. В своей статье «Успехи России на Дальнем Востоке» (1858 г.) он пишет, что Россия, получив все Приамурье, на этом бы не остановилась. Кроме того, она настояла на создании русско-китайской комиссии по установлению границ. Приводя в пример поведение подобных комиссий в Турции, где они «в течение более чем двадцати лет отрезали кусок за куском от этой страны», Ф. Энгельс полагал, что то же самое ждет и Китай [Энгельс 2014: 664].

Действительно, после 1894 г. Россия воспользовалась сложившейся в регионе обстановкой для продвижения своих экономических интересов, что может быть расценено как дальнейшая экспансия [Вардомский 2009: 184-187]. 22 мая 1896 г. между Россией и Китаем был подписан договор о союзе и строительстве русской железной дороги в Маньчжурии (КВЖД). В отношении КВЖД действовал особый международно-правовой режим, предусматривающий право подконтрольного российскому правительству Общества КВЖД на «полное и исключительное управление» своими землями. Позже подобный режим был распространен и на земли под строительство южной ветви КВЖД после заключения в 1898 г. конвенции о передаче в аренду России на 25 лет Ляодунского полуострова с портами Дальний и Порт-Артур. Таким образом, российско-китайские соглашения 1896 и 1898 гг. привели к появлению в Маньчжурии территориальных анклавов России, обладавших особым международно-правовым статусом, значительным рускоподданным населением и ощутимо влиявших на военную и экономическую ситуацию в данном регионе Китая [Казанцев, Салогуб 2011; Казанцев 2012]. Их создание воспринималось многими современниками как первый шаг к превращению Маньчжурии в российский протекторат, колонию, которая в будущем могла бы стать органичной частью империи.

Тем не менее, как отмечает И.В. Лукоянов, надежды властей на КВЖД не оправдались, и экономическую экспансию осуществить в полной мере не удалось [Лукоянов 2008: 115, 161]. Поражение в войне 1904–1905 гг. привело к полному вытеснению России из Кореи и серьезному ослаблению ее военно-политического влияния в Китае. Российское политическое и экономическое присутствие сохранилось лишь в северной части Маньчжурии.

В конце XIX в. важнейшей задачей империи стала экономическая и политическая интеграция новых территорий, установление социальной, правовой и административной однородности дальневосточного региона и центра. Выполнение данной задачи в значительной степени осложнялось тем, что даже после завершения присоединения Приамурья к России у власти по-прежнему не было окончательного и единодушного мнения о роли и месте региона, что приводило к некоторому равнодушию к Дальнему Востоку и периодическому забвению региона. Центральная власть сомневалась в выгодности вложения средств во вновь приобретенные территории, критиковала местных администраторов и, в частности, ускоренную принудительную колонизацию нового края [Ремнев 2004: 203].

Особенно четко расхождение экономических интересов центра и региона проявлялось в вопросах колонизации, свободы внутренней и внешней торговли (КВЖД, порто-франко в тихоокеанских портах), а также в распределении бюджетных средств в пользу окраин. Разногласия возникали и в вопросе определения характера развития промышленности и направленности транспортных

артерий. Росло убеждение, что сибирские и дальневосточные нужды приносятся в жертву интересам имперской политики, а сами регионы рассматриваются в качестве потенциальных сырьевых придатков или инструментов внешней политики [Ремнев 2004: 58].

Однако при всем различии взглядов на роль региона и дальневосточную политику России все сходились в одном: Россию на Дальнем Востоке ждет великое будущее. И прямой путь к этому будущему – река Амур. В основе этого мнения лежала убежденность, что центр мировой экономической активности со временем переместится в Азию, и России следует заблаговременно подготовиться к этому [Ремнев 2004: 149].

Несмотря на то что Приамурский край воспринимался представителями центральной власти как колония [Шиловский 2001: 7], империя отводила ему более важную роль, чем придавали своим колониям западные страны. Это обусловило определенный набор национальных интересов, последовательно реализуемых властью через местных представителей – генерал-губернаторов. Само учреждение должности приамурского генерал-губернатора можно рассматривать как показатель особого внимания власти к региону и стремление найти наиболее эффективные способы интеграции присоединенных территорий в общеимперское пространство.

После создания в 1884 г. приамурского генерал-губернаторства понятие «Амур» применительно к территории было заменено более распространенным «Приамурье» (административно-приамурское генерал-губернаторство). Термины «амурский вопрос», «амурское дело», надобность в которых отпала после разрешения этого вопроса, стали заменяться понятием «русское дело на Дальнем Востоке» [Меркулов 1996]. Это выражение впервые появляется во всеподданнейших отчетах приамурских генерал-губернаторов С.М. Духовского (за 1893–95 гг. и 1896–97 гг.), П.Ф. Унтербергера (за 1906–07 гг.), Н.Л. Гондатти (за 1911 г.)¹. При этом С.М. Духовской говорит о «русском деле» на Дальнем Востоке в связи с переселенческой политикой, П.Ф. Унтербергер – в связи с железнодорожным строительством и развитием флота, а Н.Л. Гондатти – в связи с вопросами обороноспособности и внешней торговли².

Понятие «русское дело на Дальнем Востоке» использовалось не одними лишь приамурскими генерал-губернаторами. Великий ученый, близкий к правительственным кругам, Д.И. Менделеев писал о том, что со строительством железной дороги в Сибири осуществляется «великое и чисто русское дело» [Менделеев 2006: 213]. Н.И. Дубинина отмечает, что военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг также упоминает о русском деле на Дальнем Востоке в связи с переселенческой политикой [Дубинина 2008: 159–161]. Известный предприниматель С.Д. Меркулов назвал свой доклад 1912 г. «Русское дело на Дальнем Востоке». Он пишет: «...вопрос о положении русского дела на Дальнем Востоке есть вопрос первостепенной государственной важности, один из крупнейших современных вопросов нашего отечества» и рассматривает угрозы региону, исходящие от мигрантов из Азии, и меры борьбы с ними [Меркулов 1996: 14].

Хотя термин «русское дело» используется во всеподданнейших отчетах генерал-губернаторов в различном контексте, это не означает, что С.М. Духовской воспринимал русское дело исключительно как заселение и колонизацию, П.Ф. Унтербергер – как интеграцию путем железнодорожного строительства и развития водных путей сообщения, а Н.Л. Гондатти – как повышение обороноспособности и развитие торговли. Ни один из генерал-губернаторов в своем

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 239а, 258; Ф. 702. Оп. 1. Д. 526; Ф. 702. Оп. 1. Д. 712.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 258. Л. 3; Д. 526. Л. 10(об)-11; Д. 712. Л. 52-53; Д. 712. Л. 121-122.

отчете не дает четкого определения термина «русское дело на Дальнем Востоке». Можно предположить, что русское дело — набор национальных интересов, более ранняя версия термина «национальные интересы». А как уже объяснялось выше, набор этот неизменен для каждой страны в течение всего периода ее существования. Контекст, окружающий термин в отчетах, — те факторы и условия, которые считались приоритетными тем или иным генерал-губернатором, иными словами — инструменты обеспечения национальных интересов.

Национальные интересы России на Дальнем Востоке были неизменными в течение всего периода существования института приамурских генерал-губернаторов, менялась лишь их приоритетность, «оттенки» и их восприятие тем или иным администратором, как и средства обеспечения этих интересов. Получить представление об этих нюансах, равно как и о том, в чем заключалось русское дело на Дальнем Востоке для каждого из администраторов, можно из всеподданнейших отчетов — документов, отражающих взгляды местных администраторов на обустройство Приамурья и решение тех задач, которые позволяли бы России освоить новые территории и укрепить здесь свои позиции. Проанализировав эти документы, в которых, как правило, ставились конкретные задачи, перечислялись проблемы и указывались пути решения, можно понять, как местные администраторы представляли себе роль и место региона и развитие каких сфер считали приоритетным, обеспечение каких условий — жизненно важным, а это и есть национальные интересы.

На основе анализа политики приамурских генерал-губернаторов и их взглядов, отраженных во всеподданнейших отчетах, можно сделать вывод, что приоритетными национальными интересами России на Дальнем Востоке были заселение края и его интеграция.

Несмотря на меры, принятые каждым из генерал-губернаторов, за время существования института генерал-губернаторов задача колонизации Приамурья, которая в течение длительного времени была приоритетной для региональной власти, не была полностью решена. Численность населения увеличивалась благодаря энергичным мерам центральной и местной властей, и, по данным всеподданнейшего отчета приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти за 1911 г., к 1 января 1912 г. население края составляло 814 тыс. чел.¹ Тем не менее выбор колонизационного элемента (ставка на земледельческое население в ущерб промышленной колонизации) препятствовал реализации других пунктов колонизационного плана, касающихся экономического развития края. Так, Н.Л. Гондатти констатировал: «Нельзя... не признать, что ни одна из основных частей колонизационного плана, кроме специально переселенческого дела, пока почти не призвана еще к жизни»².

В настоящее время в удаленном от центра страны Дальневосточном регионе по-прежнему отмечается ряд проблем социально-экономического и демографического характера, что препятствует эффективному использованию региона в целях интеграции и взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Можно утверждать, что приоритетные национальные интересы в данном регионе остались теми же, что и в середине XIX в., — заселение и интеграция (в нынешних условиях — социально-экономическая). В связи с этим может оказаться полезным дальнейшее изучение опыта приамурских генерал-губернаторов по продвижению национальных интересов и решению схожих проблем региона.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 712. Л. 216-217.

² Там же. Л. 22.

Список литературы

- Барсуков И.П. 1891. *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский*. М.: Синод. тип. Кн. 1. 672 с.
- Вардомский Л.Б. 2009. *Российское порубежье в условиях глобализации*. М.: КД «ЛИБРОКОМ». 216 с.
- Венюков М. 1873. *Опыт военного обозрения русских границ в Азии*. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°. 144 с.
- Дубинина Н.И. 2008. *Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер*. Хабаровск: РИОТИП. 400 с.
- Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. 2011. Занятие Порт-Артура и первые мероприятия российской власти на Квантунском полуострове 1898–1899 гг. — *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. № 132. С. 39-49.
- Казанцев В.П. 2012. Формирование полицейско-административной системы КВЖД (1896–1905). — *Россия и АТР*. № 3. С. 33-43.
- Лукоянов И.В. 2008. «*Не отстать от держав...*» *Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв.* СПб: Нестор-История. 668 с.
- Менделеев Д.И. 2006. *Заветные мысли* (репринт, воспроизв. изд. 1903–1905 гг.). СПб. 428 с.
- Меркулов С. 1996. Русское дело на Дальнем Востоке. — *Желтая опасность*. Владивосток: Ворон. С. 11-91.
- Ремнев А.В. 2004. *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков*. Омск: Изд-во Омского государственного университета. 552 с.
- Шиловский М.В. 2001. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства. — *Европейские исследования в Сибири*. Томск. Вып. 3. С. 6-16.
- Энгельс Ф. 2014. Успехи России на Дальнем Востоке. — К. Маркс, Ф. Энгельс. *Собрание сочинений*. М.: Директ-Медиа. Т. 12. С. 661-675.

BARANNIKOVA Anastasia Olegovna, Researcher of the Center for Maritime International Studies, Maritime State University named after admiral Nevelskoy (50a Verkhneportovaya St, Vladivostok, Russia, 690059; electroniccm@yandex.ru)

FROM AMUR ISSUE TO RUSSIAN BUSINESS: NATIONAL INTERESTS OF RUSSIA IN THE FAR EAST

Abstract. With the implementation of Russian strategy of pivot to the East, its Far Eastern region becomes increasingly important, as it could be the gateway to the Asia-Pacific region. However, in order to take full advantage of the region's potential and to ensure the country's national interests in the Asia-Pacific region a number of specific problems of the region should be solved. However, it is impossible without a clear understanding of the essence of national interests of the country. Russia already has this experience as it attempted to integrate with Asia, using potential of its Far East region and promoting its interests there in the 19th century. An analysis of the historical sources shows that priority national interests of Russia in the Far East were populating and integrating the region. These interests are still topical for Russian Far East nowadays.

Keywords: Amur issue, Russian business in the Far East, governor generals of Amur River region, Amur River region, integration, populating
